

ДИНА
Мак

НЕ ВИДАТЬ ТЕБЕ
МОИХ ЦЫПЛЯТ, *Сибиряков!*

18+

Лина Мак

Не видать тебе моих цыплят, Сибиряков!

<https://litres.ru/74443667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то мы были кровными врагами, но жизнь решила нас развести по разным сторонам, для того, чтобы мы снова встретились на том же месте, в тот же час.

И пускай мы стали старше, но дури в наших головушках это не убавило. Вот теперь нужно понять, стоит ли ворошить прошлое, или лучше оставить всё как есть? В этом невероятном сибирском лете!

— Эй! Эй, слышишь меня? Ау! Фиу! — и над малиной разносится звонкий, оглушающий свист. — Глухая, что ли?

И тут я понимаю, что моё терпение лопается так громко и звонко, что даже уши закладывает на мгновение. А всё потому, что я терпеть не могу, когда свистят в мою сторону. Особенно мужики и особенно

— В задницу себе свисни, идиот! — шиплю на него разъярённой кошкой.

— Ты что, обалдела, мелочь? — этот свистун даже от забора отшатывается.

— Тебе что, рот давно с мылом не мыли? — громыхает он своим басом над малиной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лина Мак

Не видать тебе моих цыплят, Сибиряков!

Глава 1

— Эй! Эй, слышишь меня? Ау! Цветная попа! Фиу! — и над малиной разносится звонкий, оглушающий свист. — Глухая, что ли?

И тут я понимаю, что моё терпение лопается так громко и звонко, что даже уши закладывает на мгновение. А всё потому, что я терпеть не могу, когда свистят в мою сторону. Особенно мужики и особенно...

Резко выравниваюсь, понимая, что я Рябуху точно теперь не выманю из малинника, и бросаю грозный взгляд в сторону этого свистуна, чтоб ему пусто было!

— В задницу себе свисни, идиот! — шиплю на него разъярённой кошкой.

— Ты что, обалдела, мелочь? — этот свистун даже от забора отшатывается.

Но я со своего места вижу, как его брови съезжаются на переносице, а глаза наливаются красным. Да и не только гла-

за. Щёки, шея — здоровенная, нужно сказать, как у соседского бычка.

— Тебе что, рот давно с мылом не мыли? — громыхает он своим басом над малиной.

И тут я слышу шуршание и тихое квохтанье моей Рябухи. Чует молодая мамаша, что рядом чужой нарисовался, и быстро даёт дёру, зовя за собой своих желторотиков. И мне бы так сделать. Но я бы не была Надей Смородиной, если бы всегда убегала.

— Тебе, смотрю, тоже давно не мыли, — складываю руки на груди, копируя позу этого здоровяка. — Ты мне чего «тыкаешь»? Я с тобой на брудершафт не пила.

— А тебе пить-то можно, мелочь? Ты на себя в зеркало давно смотрела? — отбивает этот хам, а я понимаю, что у меня появился новый кровный враг.

И пускай он здоровый, я вижу его по сиськи. И, зараза, они у него почти как и мои торчат над моим забором! И плечи широченные. И кепка надета козырьком назад. Да ещё и по виду его белой футболки видно, что не местный. Наши мужики в таком не ходят. Слишком вкусно для комаров и мошек. А этот идиот какой-то. Да ещё и кого-то мне напоминает! Но ничего, я девочка терпеливая. Вспомню, кто такой, и накажу по всей строгости моей фантазии. Была у меня одна врагиня — Светка Козлова. Больше она в мою сторону даже не дышит.

Откидываю пшеничную косу назад, сдуваю чёлку со лба

и, хмыкнув, разворачиваюсь, чтобы уйти. Нет у меня приличных ответов сейчас в голове. А где-то во дворе дедушка, и он вообще считает, что до сих пор по ромашке гадаю: придёт ко мне суженый или нет.

Знал бы он, что я с этими сужеными делала... Ух, аж настроение поднялось.

Так, стоп, а куда девалась моя Рябуха? Тихо в малине — значит, уже удрала во двор.

— Эй! — слышу в спину крик этого нахала. — Ты вообще нормальная? Я с тобой разговаривал, вообще-то.

Разворачиваюсь и замечаю, что здоровяк опирается на забор слишком уж сильно. А там же лаги уже прогнили. Дедушка только собрался менять. Но забор — не страшно. Под забором растёт мой любимый крыжовник, который сажала ещё бабушка!

— Не лезь! — дёргаюсь в его сторону, но куда там.

Под весом этого, уж точно, бычка раздаётся душераздирающий треск лаг, которые уже отжили две жизни, если не три. И забор начинает заваливаться вперёд вместе с этой тушей.

Помочь не успею. Чтобы добраться туда, нужно обойти малину. А он уже лежит! Но всё равно иду. По дороге хватаю лопату, что стояла у старого деревянного душа, и иду. Уверенно так!

— Мать же вашу за ногу! — орёт этот идиот и ещё сильнее придавливает мои любимые кусты крыжовника.

Я-то знаю, что ему больно. Но вот моё нежное девичье

сердце страдает ещё сильнее сейчас, потому что я не смогу попробовать в этом году свежего крыжовника и сделать самого ароматного варенья.

— Ах ты кочерыжка рукожопая! — шиплю я и поудобнее перехватываю черенок лопаты. — Молись, болезный, чтобы твоя спина оказалась крепче моей лопаты.

Замахиваюсь, и ровно в этот момент этот бегемот умудряется перекатиться с забора, что и спасает его от первого удара. Но я девочка настырная. От меня так просто не уйдёшь.

— Кто я? — переспрашивает мужик, шипя и матерясь, встаёт на ноги.

Видит, скотина, что я не наступаю на заваленный забор. Совесть мне не позволяет загубить остатки любимых ягод!

А забор я же не стану перелезать в платье. Трусами я ещё не трясла перед городскими!

— Собака ты хромая! — рывкаю на него и замахиваюсь через забор лопатой, но этот быстро отскакивает в сторону.

— Больная, что ли? — гаркает этот, а я уже не могу — так хочется его огреть. Вот до трясушки!

— Я больная?! Да я тебе сейчас как покажу, больная, бычара ты перемощённый! Сразу к деду Семёну на бойню отправлю! — кричу во всё горло и осматриваюсь, как бы всё же выскочить на другую сторону.

— К кому? — снова спрашивает этот и начинает ржать, как конь. — К деду Семёну? Моему деду?

— Чего? — А вот теперь я замираю от его слов и опираюсь

на соседний пролёт забора, который должен быть покрепче.

Но мне очень нужно поближе присмотреться к этому, кто назвал нашего деда Семёна своим!

— Вот точно, дура, — отвечает этот и перестаёт ржать, пытается привести белую футболку в порядок, но это бесполезно.

Он трогает щёку пальцами и скидывает с головы кепку, чтобы пощупать затылок, а я узнаю не этого внука, а шрам.

— Лёха? — шепчу я и поддаюсь ещё сильнее вперёд.

Мужик замирает и смотрит на меня так, будто я сказала сейчас что-то на древнебабкаёжкинском.

Но тут происходит то, чего не должно было вообще случиться. Пролёт забора, на который я опёрлась, треснул и упал.

— Ах ты ж, маму вашу за кочерыжку! — закричала я и почувствовала, как мой сарафанчик забрался от этой, как её там, силы притяжения и открыл этому идиоту мои новые трусики с сердечком на попе.

— Зачёт! — присвистывает этот гад.

Я дёргаюсь, чтобы прикрыть попу, бьюсь коленкой о торчащую доску и уже чуть ли не рыдаю. Но тут мимо меня проносится Рябуха, которой здесь вообще быть не должно, а за ней — все семеро цыплят.

— Держи! — кричу я и подскакиваю на ноги, совсем не замечая, что этот идиот, который развалил нам половину забора, наклонился, чтобы помочь мне.

И его нос очень чётко встречается с моим затылком.

— Да что же это такое! — гундосит этот, а я смотрю на то, как на его белую футболку падают первые капли крови.

— Снимай, быстро, — рычу я и дёргаю за футболку. — Её не спасти уже, а если Рябуха уведёт цыплят, дед будет ругаться.

— Как была ты клушей, Надька, так и осталась, — возмущается этот, а я...

Да что я? Сейчас я Рябуху загоню и пойду придумывать план мести для Лёхи-хулигана. Кровью мы свою вражду подписали уже. Снова!

Глава 2

За несколько дней до...

— Лёх, дружище, вот скажи мне, зачем оно тебе надо? —

Марат смотрит на меня и не может понять.

Да и сам себя бы не понял ещё год назад, но сейчас сил нет. Они просто закончились. В тот самый момент, когда суд оправдал меня, а моя бывшая, которая так хотела хоть чего-то поиметь, поняла, что пролетела по всем фронтам.

— Марат, я тебя как друга прошу, не насилуй мой мозг: он уже невосприимчив ко всем этим действиям, — спокойно отвечаю другу и проверяю, всё ли взял с собой.

К деду еду. Хочу туда, где мне когда-то весь мир казался по колено. Хочу снова пройтись по знакомому лесу и, может, даже опять найду улей диких пчёл. Хочу просто забыть на какое-то время, что я взрослый мужик и сам несу ответственность за все свои поступки.

Даже готов терпеть дедов армейский ремень, лишь бы не здесь.

Если вам скажут, что мужики сильные, не верьте! Мужики тоже хотят тишины, покоя, они устают бежать вперёд паровоза с копьём наперевес, охотясь на мамонта и принося бабки домой. Много бабок!

Вот и с бывшей было так же. Слава богу, мы не успели пожениться, иначе я бы просто не выдержал этой нервотрёпки.

Но всё же... Денег было мало, внимания мало, секса тоже было мало. А по итогу красотка Лола решила, что можно поиметь бабки хотя бы тем, чтобы припугнуть меня. Но вышло всё наоборот. Меркантильная сучка думала, что своей дыркой сможет и рыбку съесть, и куда-то присесть. Вот присесть у неё как раз и получилось, а рыбка осталась при мне.

— У всех бывает перегруз, мужик, — снова пытается воззвать к моей совести друг, но нет её.

Она ушла в отпуск намного раньше меня. Теперь пришла и моя очередь.

— Я что, сам должен всё тянуть? — ещё один вопрос от друга, и я не выдерживаю: достаю из шкафа бутылку водки, из холодильника — сало, хлеб и зелень, две рюмки — и ставлю на стол перед Маратом. — Не буду я с тобой пить. Ты сейчас мне мозги запаришь, а я и не пойму, как почки ради тебя продал.

— Почки мне твои не нужны, — хмыкаю я и сам сажусь напротив друга.

Мы с ним познакомились в армии. Ну, как сказать, познакомились... Мы сначала сломали друг другу рёбра, потом носы, потом часто попадали на наряды вне очереди, а к концу службы поняли, что стали лучшими друзьями.

У нас с Маратом закон: пиздить друг друга можем только мы сами.

Он у нас парень горячих кровей, но только наполовину. Мать у Марата русская. Но это сделало моего дружбана толь-

ко более смазливый и падким на женский пол. Отбоя от баб у него нет никогда. А я... Я просто сибирский парень с горящей фамилией — Сибиряков.

Открываю бутылку, разливаю по рюмке и, подтолкнув Марату, поднимаю свою:

— Я еду в отпуск, брат.

— На всё лето, мать твою! — возмущается Марат и выпивает вслед за мной.

Закусываем и смотрим друг на друга.

— Сколько я не был в отпуске? — задаю логичный вопрос, на который сам пытаюсь найти ответ уже несколько дней, а не нахожу.

Марат хмурится, трёт лоб, но не отвечает.

— А ты когда был в отпуске? — задаю ему ещё один вопрос и снова наливаю нам по рюмке.

— Пару месяцев назад, к маме ездил, — уверенно отвечает друг, и мы снова выпиваем.

— Вот и весь ответ, — киваю я. — Ты в отпуске регулярно не потому, что лентяй, а потому, что у тебя есть к кому ехать. А у меня остался только дед, которому я последний раз забыл, когда звонил. И это, трындец, как паршиво.

Марат снова хмурится и теперь сам берёт бутылку, откупоривает и наливает нам.

— Значит, тебе пора в отпуск, — уверенно заявляет он. — А с секцией я и сам справлюсь. Тем более лето, многие разъедутся. Но ты пообещай, что, как только вернёшься, мы с то-

бой рванём куда-нибудь оторваться по полной! Тебе нужно снимать напряжение почаще.

— Иди на хер, — улыбаюсь другу, и мы снова выпиваем.

А через несколько часов Марат уходит к себе, а я остаюсь проверять квартиру, чтобы всё было выключено. Не хочу никаких форс-мажоров, пока меня не будет.

Проверяю билет на самолёт. Вспоминаю, о чём дед мечтал в последнее время. Но на ум ничего не приходит. И только потом понимаю: вот приеду к нему, и там уже решим, чего он хочет.

В моей родной деревне, наверное, уже и людей почти не осталось. Все разъехались, а те, кто доживают там свой век, — единицы. Я и сам когда-то кричал, что не вернусь больше в эту глушь. А сейчас понимаю, каким дураком был. Всего-то около тринадцати лет прошло.

Тишины хочу!

Спокойствия хочу!

Никаких баб и никаких проблем!

Просто лето, деревня и родная Сибирь.

Вот только никто меня не предупредил, что, уезжая в поисках тишины, я найду то, чего вообще не ожидал.

Глава 3

— Надежда! — дедушка зовёт меня, пока я, кривая, побитая, с чужой футболкой в руках, загоняю Рябуху во двор.

— Да здесь я! — кричу в ответ.

Чувствую за спиной Лёху и вообще не верю, что это тот самый дрыщ, который доставал меня всё детство. Я не была тихим ребёнком. Да и вообще, ну какой нормальный ребёнок будет вести себя хорошо в детстве, когда вокруг столько всего интересного и так хочется попробовать всё не только на вкус, но и прочность проверить?

Хотя я и сейчас не прочь испытать каких-то новых впечатлений, хоть мне и двадцать восемь скоро!

— Господи! — вскрикиваю я и резко выравниваюсь, прижимая руки к груди.

Рябуха понимает, что нужно удирать, и лучший способ спрятаться сейчас — это за дедушкой. Её цыплята семянят рядом, с опаской поглядывая на меня, а я... Да я в шоке! Мне столько лет!

Резко разворачиваюсь, понимая, что хулиган Лёха дышит мне в затылок. И ведь точно дышит, но как только я делаю разворот, он быстро делает большой шаг назад.

Я не должна на него смотреть. Он вообще выглядит как... Да охрененно он выглядит! Я даже представить не могла, что

Лёха, наш Лёха Сибиряков, может стать вот этим древнегреческим богом соблазна для меня.

— Надюх, ты бы так не смотрела, — говорит Лёха и складывает огромные ручищи на груди.

Зараза-а-а-а! У него и правда сиськи больше моих! Это где такое видано?

— А то что? — спрашиваю и повторяю его позу, снова сдуваю чёлку, которая так и вылезает из-под платка.

— Мне может показаться, что я тебе нравлюсь, — нагло скалится Лёха и подмигивает.

— Кто? Ты?! — не могу сдержаться и повышаю голос.

Но, судя по тому, что улыбка Лёхи становится шире, а глаза уже уже, не выходит у меня ему показать, что такие меня не интересуют.

Он делает тот самый шаг ко мне, а я вдыхаю запах его разгорячённой нашим солнцем кожи. И, зараза такая, во рту столько слюны собирается, что если я сейчас открою рот, то она потечёт по подбородку.

— А щёчки покраснели, Надюх, — низким хрипловатым голосом говорит Лёха и склоняется ко мне ниже, касаясь моего носа кончиком пальца.

Я задерживаю дыхание. Вообще не могу сообразить, что происходит. И тут чувствую, как из моих рук выдергивают футболку.

— Зайду вечером, помогу забор починить, — отвечает Лёха и выходит со двора, начиная насвистывать слишком

знакомый мотив из детства.

Как только я его слышала, у меня сразу созревал план, как вывести его из себя. Ну и заодно моего брата и всю их гоп-компанию.

— Кхм-кхм, — слышу за спиной и резко разворачиваюсь, смотря на дедушку, который в одной руке держит доску от сломанного забора, а в другой — ветку крыжовника.

— Дедушка, я всё объясню, — сразу принимаюсь объяснять.

Но дедушка, на удивление, не злится. Он улыбается! И смотрит на меня так загадочно, будто знает все мои секреты.

— Это не я, дедуль! Вот ей-богу! Ну, точнее, не всё я! — начинаю оправдываться, когда замечаю, как дедушка разворачивается и идёт в сад.

— Надежда, ну вот скажи мне, где же произошёл сбой, что ты у нас такая уродилась? — спрашивает дедушка, расположившись в саду под яблоней, где у нас стоит блинный стол и лавки по бокам.

— Дедушка, я вообще не понимаю, о чём ты, — отвечаю ему и, сняв камушек с вафельного полотеничка, которым накрыт охлаждённый компот и пирожки, что я утром пекла, наливаю себе и дедушке по стакану и протягиваю пирожок.

— Да и не нервничай ты за этот забор, починим, — добавляю и откусываю пирожок, запиваю холодным компотом.

А в голове всё пляшут кубики прессы Лёхи да его нахальная улыбка.

— Да починить-то починим, но жизнь ведь идёт, — говорит дедушка, когда тянется за вторым пирожком.

— Дед, не начинай! — настроение сразу портится.

— А я и не начинаю, — отвечает он в тон мне. — И не спорь со старшими. Тебе уже двадцать семь, а всё одна. У твоего брата вон семья, двое детишек, работа...

— Ну дед! — возмущаюсь я.

А ведь так надеялась, что все уже успокоились по этому поводу. Ну что ещё нужно им? Образование получила, работа есть. Тем более она у меня удалённая. Благо в наше время можно делать всё что угодно. И я бы, может, и продолжала жить в городе, но стоило мне закончить учёбу, я вернулась к деду.

Не прижилась я в городе. Хотя родители считают, что я даже не старалась. А я старалась. Шесть лет старалась. Больше нет желания.

А у дедушки спокойно. У него всегда есть чем занять руки, чтобы не думать о том, чего нет.

А нет в этом мире настоящих мужчин. Ну или я их не видела. Вот поэтому одна и до сих пор творю и вытворяю.

— Наденька, тебе замуж нужно, — уже тепло добавляет дедушка и даже руку мою накрывает своей морщинистой. — Вон посмотри на своих одноклассниц: вышли замуж — и мозгов добавилось. А ты с разбитыми коленками да с лопатой наперевес.

— Дедушка, я не могу выйти замуж абы за кого! — строго

сказала я. — Я львица, и мне нужен только настоящий лев.

Ну да, для галочки: я лев по гороскопу. А мне не так просто найти мужа.

— Внученька, ты же в школе хорошо училась, — тяжело вздыхает дедушка и смотрит на меня с укором. — Какой лев? Да они же ленивые, как собаки. Тебе бык нужен, ну или конь на крайний случай.

— Кто? — переспрашиваю у дедушки, а он машет в мою сторону и, допив компот, поднимается из-за стола, добавляет:

— Пойди обработай коленки, Надежда. И сходи к деду Семёну. Он просил зайти. Там Лёха к нему приехал.

— А я каким боком? — возмущаюсь я.

— Не перечь деду! — отрезал дед и пошёл в сторону сло-
манного забора.

Глава 4

— Не перечить, так не перечить. Пошла в дом, обработала сбитые коленки и двинулась к деду Семёну. Я любила к нему и в детстве ходить, втихаря от брата и Лёхи.

Эх, время было интересное и живое на приключения. Может, и правда мне замуж пора? А то смотрю на всех знакомых и понимаю, что они уже давно серьёзные и выбирают, какой рюкзак ребёнку в школу купить, а я всё не соберусь даже трусы с носками мужу подарить на двадцать третье февраля.

Быстро проверяю почту — не пришёл ли мне ответ по последнему проекту. Но пока тишина. Хотя чему удивляться? Лето. Даже в душных городских скворечниках хотят к морюшку или куда-нибудь подальше от пыльных трасс.

Надеваю новый сарафан, в этот раз в голубой цветочек, и, накинув кепку на голову вместо платка, иду к деду Семёну.

Он же там, вроде, собирался первую качку мёда делать. Как раз хорошая погода для этого. Может, помощь нужна? Хотя к нему же внук приехал. И вот здесь я даже злюсь. Не потому, что ревную, а потому, что по-человечески жалко стариков, которые здесь остались никому не нужные!

Они доживают свой век в этой деревне, которая когда-то просто гремела жизнью. Каждый из них строил свой дом на века, чтобы и детям, и внукам осталось, а в итоге... Никому это не нужно. Все хотят красивой, пустой картинки. Совсем

забывая о том, что картинку можно сделать везде, а вот душу потерять — очень легко. Особенно там, где всё из камня.

Мне всегда у виска пальцем крутили, как только начинали общаться. Как любит говорить моя мама:

— Лучше бы ты, Надежда, рот не открывала при людях. Пока молчишь, ты просто невероятной красоты девушка. Стоит заговорить — и всё идёт прахом.

Я только глаза закатывала на её такие слова. Да и сейчас закачу. Не вижу я ничего странного в том, чтобы любить деревню больше города. Любить леса и реки, любить природу.

Сворачиваю на соседнюю улицу и отхожу на обочину подальше. Есть у нас здесь один ходок — Ромка Молотило, ну или Молотов по батюшке. Мчит он на своей новенькой «Ладе», которую из города пригнал, в сторону центра, явно. Пыль столбом.

— Надюха! — кричит он из окна, притормаживая напротив. — Куда идёшь, такая красивая?

— Ром, ехал бы ты, куда нужно, — смеюсь я и беру косу в руки. — А то снова баба Люба расскажет по всей деревне, что ты меня тут у забора зажимал! — И последнее уже кричу, потому что как раз торчащую задницу бабы Любы вижу через её высокий штакетник.

— Да как ты смеешь, коза белобрысая? — закричала баба Люба так звонко, что меня чуть не оглушило. — Я в жизни не соврала! Всё, что вижу, то и говорю.

— Точно? — мы с Ромкой спрашиваем у неё в один голос.

— И даже, как твою внучку каждый раз привозит к тебе на новой машине? — а вот это уже спрашиваю я.

— А ты выдра? — кричит баба Люба и замахивается тляпкой. — Да моя внученька — модель!

— Даже не сомневаюсь, — отвечаю и, хохоча, машу Ромке и уже бегу в сторону дома деда Семёна.

Ромка — парень неплохой. Но если бы не злые языки некоторых бабок, может быть, и дружили бы мы до сих пор. Но после того, как его Валюха прискакала ко мне на разборки, будто я хочу мужа из семьи увести, я перестала с ним общаться.

Ах да, вот и тот минус жизни в деревне. Я здесь считаюсь залежавшимся товаром. И для меня уготована судьба старой ведьмы, ну или той, которая разведёт кучу котов и будет ссориться с соседями, потому что они будут таскать их цыплят.

Подхожу ко двору деда Семёна и по привычке сразу же иду в дом. Никогда не было никаких конфузов. Тем более если дед Семён звал, значит, помощь нужна. А тут...

Толкаю дверь и громко говорю:

— Дед Семён, я пришла. Ты чего хотел? — спрашиваю, но вот дальнейшие слова застревают в горле на выдохе.

Посреди комнаты стоит ОН. Вот прям так, с большой буквы. Стоит боком и пытается намотать коротенькое полотенце, которое явно ему мало, на задницу.

Мать мою за кочерыжку! Да это же не задница, а кусок камня! И мне бы, как приличной девушке, отвернуться, но

я и приличие сегодня явно пошли по разным дорогам. И это самое приличие меня пока не догнало.

— Надька, ты можешь отвернуться? — слышу рычащие нотки в голосе Лёхи, но отвечаю совершенно не то, что планировала.

— А тебе что, жалко? Я же просто смотрю. Не трогаю же!

Глава 5

Лёха зависает от моих слов. Можно было бы его на камеру щёлкнуть и потом ржать вечерами, но это в том случае, если бы мой мозг не затопили слюни! Так что трясём головой, как старый пёс Шарик, и продолжаем представление. Нужно же рассмотреть побольше!

— А тебе что, жалко? — повторяю я и сама не верю, что это сказала вслух.

Хотя почему это? Верю. Ещё как!

Лёха резко оборачивается, полотенце чуть ли не падает, но он успевает его подхватить и прикрыть стратегически важное место. Но я вижу... Мамочки, я вижу конец!

Нужно для приличия посмотреть Лёхе в глаза, и у меня с горем пополам получается. Глаза у него круглые, как два пятака, а лицо такое, будто я не просто на него пялюсь, а уже план захвата составила.

— Надька, ты совсем здесь одичала? — хрипло выдаёт он, а я замечаю, как дёргается кадык на шее и напрягаются мышцы! Боже, я хочу их потрогать! — Выйди, дай одеться нормально!

Чего? Мне выйти?! Я только начала всё подробно запоминать!

— Да чего я там не видела? — вместо возмущенияжимаю плечами, но всё-таки отворачиваюсь к окну, чтобы не

смущать... Ну или чтобы он не заметил, как я всё равно плясую на него.

Нужно будет сказать деду Семёну, что стёкла на окнах у него такие отражательные. И так детально передают всё.

Батюшки! Как я не охнула от увиденного, не представляю, но закашлялась и сразу же поймала хмурый Лёхин взгляд в отражении.

— Надюха, ты пялишься? — спрашивает Лёха, а голос его становится ещё ниже и опаснее.

Так, мурашки, брысь пошли, а рот открывайся и спасай нашу задницу.

— А помнишь, как вы в детстве с пацанами в речке голышом плескались? — спрашиваю я первое, что пришло на ум, и замечаю, как Лёха резко выравнивается, опять теряя полотенце. — Вы же вечно меня бесили с братом. Так что я честно подсматривала, а потом с девками в школе делилась впечатлениями.

— Ты обалдела? И я узнаю об этом сейчас? — рычит Лёха, натягивая джинсы.

— А что, я должна была вам с Димкой всё рассказать первым делом? — не могу сдержаться и прыскаю от смеха.

— Мы были детьми, Надька! — возмущается Лёха и тянется за футболкой. — А мне сейчас не двенадцать.

И тут я ловлю себя на мысли, что ещё раз бы посмотрела, как он машет полотенцем, надевает и снимает с себя всё.

— Вижу, — не могу удержаться от комментария, и тут же

получаю в затылок скомканное полотенце.

— Ну всё, Смородина, ты допрыгалась! — слышу за спиной, и в следующий миг меня хватают за талию и дёргают назад.

Я взвизгиваю, пытаюсь вырваться, но Лёха только хохочет:

— А ну-ка колись, что ещё делала, мелочь?

— Отпусти, медведь! — брыкаюсь, но без особого энтузиазма. — Дед Семён где? Или ты его тоже своей задницей и мышцами напугал?

— Так это ты испугалась и поэтому мне всё выдала? — не унимается Лёха.

Нужно придать себе грозный вид, ну или что-то ещё сделать, но я вдруг, непонятно по какой причине, начинаю краснеть и смотрю в его глаза.

— Он на пасеке, мёд качает, — неожиданно отпускает меня Лёха и отступает на шаг. Теперь он полностью одет — в старые джинсы и растянутую футболку с каким-то непонятным логотипом. — И если ты не прекратишь пялиться на меня, как на восьмое чудо света, я начну думать, что ты за мной следишь.

— Слежу я только за тем, чтобы ты не сломал что-нибудь в доме деда Семёна, — парирую я и радуюсь тому, что речь моя не пропала. — Ты же известный разрушитель. Так что теперь моя прямая обязанность — не дать тебе разрушить окончательно нашу деревню.

— Это кто ещё разрушитель из нас, — хмыкает Лёха. — Мне бы припомнить, как чья-то мелкая задница угнала табун лошадей.

— Ничего я не угоняла, — фыркаю я, а у самой тепло внутри разливается от воспоминаний. — Ладно, стриптизёр, можешь и дальше сидеть здесь, а я пошла. Деду Семёну помощь нужна. Мёд сам себя не выкачает.

— Твоя помощь? А ты ничего не перепутала? — поднимает бровь Лёха.

— Ты слишком долго прожил в городе, Сибиряков, — улыбаюсь я. — Он тебя испортил. А ещё ты забыл наши правила: кто первый схватил лопату — тот и прав. Так что я сейчас могу тебе продемонстрировать, как могу помогать.

— Нихрена не понял, но мне стало интересно, — хохотнул Лёха и сделал шаг ближе. — Пошли, покажешь, как ты в таком платице будешь помогать деду с пасекой.

— Я-то в платице, Лёх, — хмыкаю и быстро иду на выход. Мне нужен воздух, чтобы перестать представлять его голым. — А вот ты свои бубенцы слишком обтянул.

О том, что он слишком пахнет гелем для душа, я промолчала. И не потому, что забыла, а потому что желание пако-стить этому медведю городскому у меня в крови и не исчезло даже с годами.

Мы выходим из дома и сразу же направляемся в конец улицы, где у деда Семёна стоит пасека. Там же у него и вагончик небольшой есть, да цветов луговых вокруг полно. Не

место, а благодать для пчёл. Но первое, что происходит, Лёха спотыкается о корягу и чуть не падает лицом в траву.

— Аккуратнее, городской, — хихикаю я. — А то дед Семён решит, что ты не помогать приехал, а отдыхать.

— Да я тебя... — начинает Лёха, но тут мы видим деда Семёна: он стоит возле ульев в специальном костюме пчеловода и машет нам рукой.

— О, явились голубки! — басит дед. — Ну, кто готов к работе? А то мёд сам себя не откачает!

— Я готова! — поднимаю руку я, игнорируя первые слова деда Семёна.

— И я... — начинает говорить Лёха, но тут происходит то, чего даже я не ожидала.

Пчёлы из первого улья взмывают вверх и, покружившись, устремляются в нашу сторону.

— Не шевелитесь и не машите руками, — шиплю на Лёху, а сама понимаю, что пчёлы слишком быстро учуяли запах Лёхиного геля для душа.

— Я-то не машу, — отвечает он.

— Ой, мамочки! — пишу я, потому что первой достаётся мне.

— Беги, Надюха!

— Дети, да вы чего? — не понимает дед Семён, но я уже особо не слушаю его.

Да чтобы меня, Надю Смородину, пчёлы начали жалить просто так? Это что такое вообще? Жаль, ответ мне дошёл

слишком поздно, когда мимо меня пробежал Лёха к колонке с водой, к который прикручен шланг.

Глава 6

Да если бы мне кто-то сказал, что моё желание не говорить Лёхе, что от него слишком сильно пахнет, станет моей личной катастрофой, я бы... Да нет! Всё равно бы ничего не сказала.

У меня-то нет такой реакции на укусы пчёл. А вот Лёха не изменился в этом плане.

— Ну ладно ты, балбес городской, — продолжает бурчать дед Семён. — Забыл, что такое пасека и что мои красавицы на дух не переносят все эти ваши химические пахучки? Мылом мыться нужно было! — тычет в сторону распухшего Лёхи.

А я губы покрепче сжимаю, чтобы не ржать. Стоит расслабиться — и они сами растягиваются. Но тут дед Семён переводит на меня строгий взгляд, и я стараюсь сохранить всю серьёзность, которая ещё осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.